
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

**ОТ «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ» ДО РАСПАДЕНИЯ СВЯЗИ ВРЕМЕН
К юбилею И.С. Тургенева —
самого пронзительного русского писателя-романиста**

*Снизу отсохнут корни его,
И сверху увянут ветви его.
Память о нем исчезнет с земли,
И имени его не будет (слышно) на площади.
Вытолкнут его из света во тьму,
Изгонят его с лица земли.
Ни отпрыска у него, ни потомка в народе его,
И никто не останется в жилищах его.*

Книга Иова*, гл. 18, ст. 16—19

♦ Двухсотлетие есть сакральная дата в юбилейной памяти выдающихся творческих личностей; в литературе — особенно. Так устроена память самого человека, встроенного в социум, который сам подчинен закономерностям генеалогии творческих эпох. Вот и получается: до двухсот лет в исторической ретроспективе — это память, условно называемая живой в череде условных поколений (двадцать пять лет) числом не более 6...8; после двух веков и далее в глубины эпохи цивилизации и культуры — это уже чрепоколенная генофенотипическая память, точнее — памятник тем явлениям культуры, в нашем рассмотрении — литературы, что уже не подлежат анализу в части какого-либо переосмысления. Они навечно и непререкаемо вошли во все возрастающий от доисторического *nihil* (нулевой отметки) фундамент строящегося здания суммарной человеческой культуры. Этот фундамент уже не подлежит перекладке без серьезной опасности разрушения самого этого здания.

В сказанном нет и намека на словесную витиеватость. Это суть частная отрасль всеобъемлющего процесса ноогенеза и интеллектуализации в движении биоэволюции.

А вот этот самый обозначенный выше двухсотлетний рубеж как трактовать? Ответим на этот вопрос, но предварительно уточним: эту «рубежную оценку» мы даем *исключительно* с позиций восприятия явлений культуры, литературы в особенности, человеком *нынешним*, то есть уже состоявшимся для младших поколений продуктом глобализации, для которой *in summa* уже прервалась связь времен (по Шекспиру) — основной аспект исследования в настоящем очерке. Данное уточнение существенно; например, для человека середины прошлого века, а тем более века XIX-го, эквивалент «нашего» двусотлетнего рубежа выражался более крупным числом. Это есть следствие экспоненциального, начиная с означенных веков, возрастания темпов и динамики биоэволюции; он же ноогенез.

---

* В аутентичном переводе с арамейского (древнееврейского) оригинала этой древнейшей книге Библии; см.: Рижский М.И. Книга Иова: Из истории библейского текста.— Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.— С. 52.

В силу сказанного, вполне аргументировано обоснованного, можно утверждать, что во время наступления такого рубежа — конечно, не «четкой» даты, но, как минимум, десятилетия — два «до» и «после» — как раз и происходит в общей культуре, литературе и ее «...ведении», общественном (интеллектуальном художественном) сознании, что называется, последняя «кардинальная» оценка творчества выдающегося, эпохального писателя; словом, *живая* память переходит, перевоплощается в *памятник*.

Известно понятие феномена национальной литературы. Не заглядывая вглубь веков и тысячелетий остановимся на Новейшем времени, то есть XIX—XX вв. Здесь наиболее значимы феномены в означенном выше смысле: великой русской литературы XIX — начала XX вв., норвежской литературы на рубеже этих веков, наконец, латиноамериканской с «центром», относимым к середине прошлого века. Да еще если не феномен, но добротный расцвет пережила североамериканская литература во временных рамках, условно относимых «к линии» Марк Твен — Уильям Фолкнер — Эрнест Хемингуэй...

Вне всякого сомнения, даже для кичливой в отношении «страны медведей и балалаек» Европы русский феномен является наиболее значимым и протяженным во времени. А мы еще и учитываем советскую литературу прошлого века как правопреемницу великой русской словесности. Сейчас мы находимся во временном периоде сакральных двухсотлетних юбилейных дат главных творцов этого феномена: на рубеже нового века и тысячелетия — «чистый гений» Пушкин; четыре года тому назад — Лермонтов, провозвестник в нашей литературе байронической струи потерян-ного поколения и осознания <эволюционного> противостояния индивидуального человека и государственного социума; год нынешний — Тургенев, «самый русский» писатель, к тому же пронзительно тонкий знаток русского характера с его загадками и откровениями, а потому, пожалуй, почти единственный провидец на век и более вперед, причём провидец в сугубо художественном отображении; 200-летие второго такого провидца, но уже расширенного на мировой ареал, Достоевского, мы встретим всего через три года; наконец, выходя летним утром покурить (да не прогневаются на меня думцы всех мастей...) на домашний балкон и видя в сотне метров монументальный памятник своему великому земляку, установленному к его 150-летию, автоматически отсчитываю те десять годов, что остались до «рубежного» юбилея Льва Толстого, творчество которого стало и стержнем, и окончанием русского литературного феномена.

Итак, наше нынешнее время суть тот самый сакральный рубеж для памяти — памятника великой русской литературы. Скептически относящиеся к нумерологии* здесь усмехнутся... но совершенно напрасно; это как иронизировать над хронологической условностью наступления (очередного) Нового года...

В качестве *nota bene*, но и по существу, скажем следующее. Объединяя названных выше апостолов — не побоимся употребить это слово — феномена русской литературы, полагаем, что они, каждый в своей творческой, индивидуально присущей ему ипостаси, делали (и сделали!) нашу словесность мировым *явлением*. Но это был не «хор а капелла», даже не внешне воспринимаемый унисон. Все они являлись сугубо личностями в своем творчестве, то есть, делая общее дело, никто из них не оглядывался «на соседа» или предшественника. Понятно дело, не имеется в виду тради-

---

* Для таких скептиков, то есть духовных потомков новозаветного Фомы Неверующего (хотя люди они хорошие), укажем на нашу работу «Апология христианства», где фактор сакральности чисел доказан со строго системных, математических и пр. позиций. Это том 15-й нашей многотомной монографии: Яшин А. А. Живая материя и феноменология ноосферы, 2007—2018 гг.; разные изд-ва Москвы, Твери и Тулы, см. по поисковику в Интернете — различные сайты, в том числе сайт Академии тринитаризма www.trinitas.ru и каталог Изд-ва URSS: www.URSS.ru.

ция — сущность развития всякого процесса, литературного тем более... Отсюда и разногласия между нашими «рубежными» классиками, но их целенаправленное единство в развитии русского литературного процесса, кстати говоря, символом и овеществлением которого стал еще один, не упомянутый выше, но равнозначный апостол — Некрасов (юбилейная дата как и у Достоевского — 2021-й год) с его «Современником» и «Отечественными записками», из которых «вышла» вся русская литературная классика второй половины XIX века — расцвет ее: тот же Лев Толстой и Ф. М. Достоевский.

Разными были творческо-личностные (эти два понятия мы не разделяем) взаимоотношения апостолов великой русской литературы. Тот же Лермонтов весь «вышел» из Пушкина, даже начав свое творчество с прямого — ученик и учитель — следования и поэтического подражания гению русской поэзии, а за свою «На смерть поэта» не побоялся получить тогдашнюю «литературную высшую меру» — первую (из двух) ссылку на воюющий Кавказ. Но вот Толстой и Достоевский? А тем паче Лев Николаевич и Иван Сергеевич, в отношениях которых моменты колебались от большой личной и литературной дружбы до серьезных разногласий?

...Уже третий по счету век (астрономический, не по конкретным датам) бытует околотолстойская быль о их «якобы не состоявшейся, но имеющей намерение быть» дуэли на охотничьих ружьях (!?) Это, конечно, не так, но серьезная ссора имела место произойти, причем не личностная, но сугубо по части моральной, идеологической, как бы сейчас сказали... Но и «охотничий момент» здесь наличествовал.

В самом теплом настроении чувств Тургенев в начале мая месяца (по ст. стилю) 1861-го года пишет из Тулы Толстому*: «... Приезжайте в Спасское, где Вы, по всей вероятности, застанете Фета и Борисова, да привезите с собой на всякий случай болотные сапоги: мы, может быть, съездим втроем на весеннюю охоту. Привозите также непременно Вашу повесть («Поликушка»).— А. Я.). Говорю — так, до свидания и крепко жму руку» (Т. 2, С. 134).

Но встреча их не состоялась, ибо Толстой приехал в Спасское только 24 мая (по ст. стилю). А через три дня их свидания в тамошней Степановке, имени А. А. Фета, и произошла эта достопамятная ссора, поводом к которой стало резкое замечание Толстого в части рассказа Тургенева о том, как гувернантка приучает его дочь к благотворительности. Отношение Толстого к этой дворянской (ныне — новобуржуазной) прихоти хорошо известно (см. Н. Н. Гусев. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 г., М., 1957. С. 438—445). Отсюда и причина ссоры. ...Охота в болотных сапогах не состоялась.

В тот же день ссоры, когда конфиденты ее разъехались — Тургенев в Спасское, а Толстой в имение И. П. Борисова Новоселки,— Лев Николаевич пишет своему обидчику: «Надеюсь, что Ваша совесть Вам уже сказала, как Вы не правы передо мной, особенно в глазах Фета и его жены. Поэтому напишите мне такое письмо, которое бы я мог послать Фетам. Ежели же Вы находите, что требование мое несправедливо, то известите меня» (Там же, С. 134).

...Все это рядом, в шаговой доступности, как бы сейчас сказали, на границе Тульской и Орловской губерний: Спасское Тургенева, имение Толстого Николо-Вяземское, Новоселки Борисова,— поэтому переписка велась стремительно. В тот же все день Тургенев пишет Толстому: «Милостивый государь, Лев Николаевич! В ответ на Ваше письмо я могу повторить только то, что я сам почел своей обязанностью объявить Вам у Фета: увлеченный чувством невольной неприязни, в причины кото-

---

* Здесь и далее ссылки на издание: Переписка И. С. Тургенева. В 2-х тт. / Сост. В. Баскаковой, Т. Головановой и др.— М.: Худож. лит., 1986; Т. 1.— 607 с.; Т. 2.— 543 с. (Серия «Переписка русских писателей»).

рой теперь входит не место, я оскорбил Вас безо всякого положительного повода с Вашей стороны и попросил у Вас извинения. Это же самое я готов повторить теперь письменно — и вторично прошу у Вас извинения. Происшедшее сегодня поутру доказало ясно, что всякие попытки сближения между такими противоположными натурами, каковы Ваша и моя, — не могут повести ни к чему хорошему; а потому я тем охотнее исполняю мой долг перед Вами, что настоящее письмо есть, вероятно, последнее проявление каких бы то ни было отношений между нами. От души желаю, чтоб оно Вас удовлетворило — и заранее объявляю свое согласие на всякое употребление, которое Вам заблагорассудится сделать из него...» (Там же, С. 135).

Ответное письмо Толстого неизвестно, но полученное от обидчика (см. выше) Лев Николаевич отправил Фету (видимо, Афанасий Афанасьевич был <условно> избран разругавшимися доселе друзьями на роль некоего третейского судьи...) с присовокуплением слов: «Вот его ответ, которым я удовлетворился, ответив только, что причины, по которым я извиняю его, не противоположности натур, а такие, которые он сам может понять» (Там же, С. 135—136).

...Но переписка наших классиков по поводу ссоры продолжалась до осени 1861-го года, все более распаяя конфидентов, явно не желавших «уступить друг другу». Хотя бы и назвать их конфидентами уже нельзя было, ибо Толстой стал распространять в Москве копии с письма (см. выше) Тургенева... Нашла коса на камень. Тургенев — в письме от 28 мая этого же года уже и дуэль с секундантами предлагает, а в сентябре и вовсе пишет Толстому: «...Но так как я считаю подобный Ваш поступок после всего, что я сделал, чтобы заглавить сорвавшееся у меня слово (выд. И. С. Тургеневым.— А. Я.) — и оскорбительным и бесчестным, то предваряю Вас, что я на этот раз не оставляю его без внимания и, возвращаясь будущей весной в Россию, потребую от Вас удовлетворения. Считаю нужным уведомить Вас, что я извещил о моем намерении моих друзей в Москве для того, чтобы они противодействовали распущенным Вами слухам» (Там же, С. 137).

В итоге личные отношения Тургенева и Толстого прервались на семнадцать лет — до 1878 года — после письма Толстого от 8 октября 1861-го года: «Милостивый государь. Вы называете в письме своем мой поступок бесчестным (здесь и далее выд. Л. Н. Толстым.— А. Я.), кроме того, Вы лично сказали мне, что Вы «дадите мне в рожу», а я прошу у Вас извинения, признаю себя виноватым — и от вызова отказываюсь. Гр. Л. Толстой» (Там же, С. 137).

♦...В отличие от нынешних «телепосиделок» якобы на темы культуры, где 100 %-но все вертится вокруг ворошения грязного белья чем-либо выдающихся <понятно дело, на фоне мало чем искушенных в той же культуре «посидельцев»!> личностей, мы достаточно подробно остановились на известной ссоре и почти двухдесятилетней размолвке наших великих творцов слова совсем по иному поводу, а именно: если в «всего лишь» тридцатитрехлетнем Толстом в этом тягостном <для русской литературы> эпизоде уже просматривался грядущий «последний евангелист христианской эры» (см. в предыдущем номере журнала) с моральным, поведенческим принципом «не судите да несудимы будете», то в старшем его на десять лет Тургеневе все же проступает *барин*. Да-да, именно барин, не помышляющий свою жизнь в иной обстановке, даже в столь симпатичной ему, великолепно воспетой им простонародной русской среде. И кончина их была различна: уход Толстого от барства Ясной Поляны, а у Тургенева истинно барская смерть в парижском Буживале...

Слово «барин» в приложении к Тургеневу у нас не содержит даже крохотного намека на нечто предосудительное: в веке девятнадцатом это была обычная, обыденная даже, форма индивидуального, семейного, кланового и пр. бытия. А что относится к великой русской литературе, то кто как не писатели из бар ее создали? Даже ни-

щенски бедный в молодости певец обездоленного народа Некрасов ко второй половине своей жизни стал несказанно богатым (отчаянное везение в карточной игре и, говоря словами Пушкина, оказался наследником всех своих скуповатых при жизни родственников...) и, компенсируя годы голода и неприкаянности, зажил откровенно по-барски. Впрочем, именно на свои деньги он совсем «не попутно» (см. выше о его журналах) и создал феномен русской литературы.

...И если Толстой по некоей условной «писательской классификации» суть *про-рок*, то Тургенев, как, впрочем, и Пушкин, и Достоевский, был выраженный *государственник*. Еще раз подчеркнем: это все условно... но по существу верно. Итак, сколько же определений дано Ивану Сергеевичу? — Барин, государственник, но главное из них, конечно — великий русский писатель, хотя бы по полгода жила в Франции... Специфическое барство Тургенева, если пройтись с такой установкой-определением по анналам русской литературы времен ее феномена, на наш взгляд, сравнимо лишь с таковым же у Ивана Бунина. У того и у другого предчувствие разрыва их поколенной дворянской временной цепи, а для Бунина все на его глазах свершилось! — это не чеховский гротескный «Вишневый сад». Для них — это взгляд изнутри, а не со стороны. А это коренное отличие. И различие. *Nota bene* читателю: мы не отвлекаемся, но аргументировано все ближе подходим к раскрытию темы очерка, *ipso facto**, продолжая говорить все той же ученой латынью...

Коль скоро мы начали в определенном смысле сопоставлять Тургенева с Толстым, то на их же творчестве поясним ассоциативную принадлежность к государственникам и пророкам, соответственно.

После реформ Александра Второго, лейтмотив которым задала ликвидация крепостного права, и возникновения народолюбия, только ленивый из литераторов не написал *антинигилистического* романа. У нас-то на слуху, в основном от <советской> школьной программы, только «Бесы» Достоевского и «Новь» Тургенева в таком контексте. Да и здесь тургеневский роман умные <советские> учителя литературы как-то ретушировали под сугубо социально значимое, бытописательское, несомненно, конечно, талантливое и пр. произведение. Да и сам Тургенев в «Нови» дважды с легкой иронией упоминает о «писательстве с *направлением*». А именно наличие, причем самодовлеющее, такого «направления» есть характеристика *in summa* всей сюжетной и идейной организации антинигилистического романа. Мелким шрифтом в школьных же учебниках литературы упоминались и другие произведения такой ориентации: «Взбаламученное море» А. Ф. Писемского, романы Н. С. Лескова «Некуда» и «На ножах»**. Но множество антинигилистических романов, повестей и очерков принадлежат перу литераторов «второго-третьего ряда», имена которых ныне сохранились исключительно в рабочем обиходе литературоведов — специалистов по истории русской словесности XIX века. Которые современному читателю (а есть ли мальчик?) ничего не говорят — в смысле имен сочинителей...

И если Толстой в период увлечения «романами с направлением» писал «Анну Каренину» и «Воскресение», все более усиливая доминанту морали, нравственности, создавал «Перевод и соединение Евангелия», приобретая мировую известность пророка из Ясной Поляны, то Тургенев уже в «Отцах и детях» (1862 год), а еще ранее в «Дворянском гнезде», «Рудине», «Накануне», выступает автором социально-психологических романов, отражающих современность и идеологию, преимущественно

---

* В силу одного этого, само по себе (лат.).

** Николай Семенович Лесков вообще-то в советском литературоведении вызывал «идеологическое подозрение». Достаточно сказать, что «На ножах» не вошел в единственное в советское время 11-томное собрание сочинений; издавать его начали только с конца 1980-х гг. В частности, роман был тогда выпущен в серии «Отчий край» Приокским книжным издательством.

либерально-дворянскую, русского общества 1850—70-х годов. Не следует забывать, что именно за социальную направленность еще более ранних «Записок охотника» (хотя по формальному определению за статью памяти Гоголя) Тургенев единственный раз в жизни был арестован (1852 год) и сослан в Спасское — Лутовиново под гласный надзор полиции...

Но вот последний его роман «Новь» (1877 год), предваряемый романом же «Дым» и повестями «Фауст», «Ася», «Призраки», однозначно посвящен «нигилистической» теме — основной в русской литературе тех времен. И именно пронизательность писателя-государственника, не пренебрежем столь конкретным определением, выделила <прежде всего> «Новь» на обширном фоне как антинигилистической литературы, так и произведений признанных писателей-демократов, в основном из среды разночинцев. То есть, с одной стороны, тематика «Нови» и «Дыма», в первую очередь, сродственна антинигилистическим романам, но «полное совпадение» здесь только в картине сюжета (именно в картине, в абрисе, но не в собственно сюжетной линии!) и группах персонажей — «красные», как часто использует Тургенев, особенно в «Отцах и детях» и в «Нови», и либеральные, а то и просто консерваторы, сановники, бюрократы и помещики. Наш автор-государственник зачастую дает как «хладнокровные», так и — в особенности — сугубо сатирические образы-портреты этой самой сановной бюрократии и помещичьей знати. Именно знати — не затрагивая сколько-либо сатирически мелкопоместных дворян и стариков, живущих в мыслях где-то в начале их долгого века. К таковому — только добродушный, уважительный юмор. Это ветхозаветная седая парочка Фомушка и Фимушка с карлицей Пуфкой из «Нови»...

Как надолго вперед видящий государственник, Тургенев не то чтобы «обличает», нет, скорее констатирует: эта чиновная госбюрократия в городе-призраке (это уже «Медный всадник»...) Петербурге есть государство в государстве (а это «*Status in statu*» Федора Михайловича — но уже не о ветхозаветном народе, а о зажившемся сверх отпущенного историей времени дворянском строе России), бесконечно далекая от нужд и чаяний огромной империи; эта помещичья знать, хотя и подражающая в одежде и манерах английской аристократии (Павел Кирсанов в «Отцах и детях»), доживающая последние, считанные десятилетия своего существования...

Но со стороны другой (см. первое чуть выше), и «Новь», и «Дым», и «Отцы и дети» — перечисляем по нисходящей по времени написания, — вовсе не близки к «написанию с направлением»: они не антинигилистичны, но и непоощряющи в отношении персонажей из «новых людей». В том же «Дыме», совершенно хладнокровно (а это посильнее сатиры!) и обдуманно обличая дела и нравы правящих кругов пореформенной России, Тургенев дает яркие карикатуры на русскую революционную (народовольческую точнее) эмиграцию. Это же видим и в более поздней, — а значит более обдуманной писателем, — «Нови». И здесь присутствует карикатура. Чего только стоит образ некрасивой, толстой революционерки Машуриной, безнадежно и верно влюбленной в главного героя романа Нежданова. Она — бессловесная лошадка той сложной и многоходовой конспирологии деятельности «новых людей». Как и в «Дыме», где масса схожих персонажей, Машурину используют в единственном, на что ее голова и руки способны — быть связником-курьером. Ближе к концу действия романа определяется и сфера ее применения: связь с границей, с теми, кто в «Дыме» из-за рубежа Российской империи расшевеливают неповоротливую страну. Ее посылают в Женеву отвезти «дымовцам» совсем небольшую сумму денег и пакет с бумагами. Но вовсе трагически и гротескно она является в конце романа. Встретившему ее на одной из линий Васильевского острова и узнавшему, и окликнувшему ее маленькому хромцу Паклину, Машурина, только что вернувшаяся в Россию по «общему делу», представляется как *Contessa Rocco di Santo-Fiume* (графиня Рокко ди

Санто-Фиуме)... не зная ни слова по-итальянски. Паклин остерегает «итальянскую графиню» в части внимания полиции, но Машурина здесь бесподобна:

— *Ко мне и то на границе... приставал какой-то в мундире; все расспрашивал; я уж и не вытерпела: «Отвяжись ты от меня, говорю, ради бога!»*

— *Вы это по-итальянски ему сказали?*

— *Нет, по-русски.*

— *И что же он?*

— *Что? Известно, отошел!*

...Эх! Святые и наивные времена были! Ни тебе аэропортов, где перед посадкой на аэроплан обувь снимать следует и во всевозможных камерах-пропускниках просвечиваться... а без <лучше биометрического> паспорта можно, пожалуй, только в домашнюю свою «совмещенку» пройти! Вспоминается ностальгическое: еще тридцать и даже менее лет назад, отправляясь в командировку в любую точку тогда 1/6 суши земшара, клал в карман «серпастый и молоткастый» только по той причине, что на месте прибытия — предприятии или полигоне, он должен был прилагаться к справке № <такой-то> о допуске к совсекретным работам и документам...

Неострожное было время в XIX веке — не бдительное. И цари со своими премьер-министрами, впрочем, и во всем мире, слишком самонадеянными и благодушными себя являли.

♦ Юмор, сатира, либерализм и определенная жалость к «новым людям» в романах Тургенева — это дань нравам и порядкам его эпохи. Но в произведениях лучшего (...пусть первым бросит камень из усомнившихся?) романиста всей великой русской литературы, если поразмышлять вдумчиво и, так сказать, *контекстно*, сквозь все перипетии фабулы и сюжета, через характеры и образы персонажей — индивидуально, группово и классово-довлеюще вырисовывается их создатель: Иван Сергеевич Тургенев как писатель государственной ориентации. Понятно дело, не как верноподданного — за время его жизни — четырех императоров: трех Александров да Первого из Николаев. Но государственника в той череде русских писателей-мыслителей, что обычно связывают с именами Достоевского («Дневник писателя»), Константина Леонтьева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, опять же напомним — Пушкина, Гончарова — и автора «Фрегата «Паллада», и главного цензора Российской империи... перечисление можно продолжить, но остановимся на названных «громких» именах.

Всех их объединяет одно: живописуя, язвя, сатириконствуя, умиляясь русским первоизданным характером и пр. и пр., все они первоочередно желали только одного — величия в мире России, которое не мыслится без самоосознания русского человека как истового носителя Христовой морали, изначально свободного душой, но при этом не посконно-демотканного, преклоняющегося перед самодовольной Европой, но самодостаточного в жизни себя самого и Российского государства. Все это сбылось почти веком позже, когда Сталин сделал СССР сверхдержавой. Увы, все это уже в четвертьвековом прошлом... Был короткий по историческим меркам взлет, но и он показателен.— Для всего мира показателен.

...Как нравоучительно заметил мне один современный столичный либерал, даже единоразовое упоминание в литературном тексте, тем более в литературоведческом, имени Генералиссимуса в два-три раза сокращает число <благожелательных> читателей... если таковые сейчас вообще наличествуют (!!) Коль скоро всякий автор льстит себе, может и напрасной, мыслью, что они виртуально все же имеются, то компенсируем сорвавшееся с пера имярек историческим анекдотом, но быть может и былью? — и именно в части определения Тургенева как подлинного государственника: в смысле не царям (см. выше) служил, но государственным интересам России. Да-да, именно *служил!* А анекдоты привлекают читателей...

Впервые, еще в пионерском детстве, услышал я это от своего отца Афанасия Андреевича, большого книгодея и стихийного философа, чему, наверное, во многом способствовала его тридцатилетняя служба «во владениях» Северного флота СССР на самом арктическом их краю. Включая годы Финской кампании и Великой Отечественной войны. Матерый военмор-североморец, к тому же родом из старообрядцев, которые по специфическим их характерам во всем ищут коспирологическую составляющую, в часы домашнего отдыха, да еще с парой-тройкой рюмок «очищенной» (в 50—60-е годы в этих «владениях» свирепствовал введенный Хрущевым полнейший «сухой закон»...), много чего рассказал мне — благодарному слушателю, не упоминаемого в школьных учебниках. Впрочем, во всех остальных также.

По его рассказам выходило, что Иван Сергеевич не одной русской литературе <блестяще!> служил, но являлся... и главным по всей Западной Европе резидентом политической разведки российского генштаба и даже имел звание полковника политической же жандармерии. Ни много ни мало! На мой вопрос об источнике таких «внеучебных» сведений отец отвечал в том смысле, что в своей калужской, а потом ленинградской молодости доводилось это слышать от людей, учившихся еще в царских гимназиях и университетах...

В 60—70-е годы, уже проживая в Туле, являлся частым посетителем городского букинистического магазина, удивительно богатого в те годы на книжные раритеты: простодушный народ, поддавшись тогдашней всеобщей моде на свежие подписные издания, торопился освободить под сотни новоприобретаемых, пахнущих вкусной типографской *амбре* томов книжные шкафы и стеллажи от «дедовской макулатуры»... Не зря Владимир Ильич, говоря о Туле, заметил, что «народ там далеко не нашенский»: на полках «Букниги» обильно присутствовали брошюры и беспереpletные книжки — детища первого в России разгула свободы печати в период между революциями 1905-го и 1917-го годов: от народовольческой, эсеровской и меньшевистской литературы до черносотенных романов и повестей навроде нашумевшего в свое время «Города Кокташджа» сочинительницы Генриэтты Каргрэм. Именно в книгах последнего «жанра» вновь мне встретились намеки на резидентство Тургенева.

...О том же велись и жаркие споры, уже после трех-четырех бутылок ординарного портвейна, в знаменитом общежитии, что в Останкино, Литературного института, где довелось учиться в конце 70-х — начале 80-х годов.

А в девяностые годы второго в России разгула свободы печати и «правые», и «левые», советские консерваторы и молодеваы либералы-комсомольцы, словом, все пишущие на типографские литеры уже однозначно и утвердительно наделяли Ивана Сергеевича должностью от генштаба и министерства иностранных дел Российской империи и полковничьими погонами... что называется «для кучи» в такой же ранг возвели Достоевского и почему-то Виссариона Григорьевича! Очевидно, имея в виду его знаменитое «Письмо к Гоголю»? Опять же и в европах бывал на лечении. А за чей счет бесконечно просаживал деньги в Баден-Бадене игрок Достоевский? Где, кстати говоря, подолгу жил и Тургенев — если на время покидал Францию...

В литературной прессе тех «лихих девяностых» всерьез обсуждался вопрос: где Достоевский с его квартирной неустроенностью хранил свой парадный мундир жандармского полковника со множеством звезд и крестов? А много чего знающие отставники по линии Лубянки, обретшие на заслуженном отдыхе тягу к беллетристике и публицистике, в беседах-интервью на страницах тех же литизданий на вопрос о «писателях-полковниках» XIX века снисходительно отвечали: «Да это давно известный факт!»

Действительно, опуская инвективы в части каторжанина Достоевского и главного идеолога разночинцев Белинского, в отношении же Тургенева анекдот очень уж

склоняется к быти (да простят нам крамольные рассуждения), а именно: в самую активную литературную и вообще жизненную пору своей деятельности он чаще проживал не в России, но в самых «многолюдных» европейских местах — в Париже, в том же Баден-Бадене, где круг общения чрезвычайно широк; обширная переписка и личное общение с писателями и общественными деятелями Западной Европы, теми же Жорж Санд, М. А. Марковичем, Фридрихом Боденштедтом, Вильямом Рольстоном, Теодором Штормом, И. Вучетичем, Эдмоном де Гонкуром, Гюставом Флобером, Эмилем Золя, Анатолем Франсом, Ги де Мопассаном, А. де Губернатисом и другими, много чего знающими о политических веяниях в Европе людьми — самих с большим кругом знакомцев. О многом говорит и обширная переписка Тургенева с Герценом: по объему их корреспонденции (см. выше ссылку на «Письма И. С. Тургенева») она уступает, да и то немного, эпистолярному общению Тургенева с Толстым, Фетом и П. В. Анненковым... А ведь следует «держать в уме», что все свои издания, нелегально ввозимые в Россию, Герцен печатал за счет... Ост-Индской компании, в руках которой была вся мощная политическая разведка Британии. Это старая английская традиция: поручать государственные дела частным лицам и организациям; достаточно вспомнить «пирата Ее Величества» Фрэнсиса Дрейка...

И уже не говорим — только ленивый это не обсуждал в то время — о Полине Виардо, совершенно некрасивой посредственной певице, семью которой, вместе с ее мужем, полностью много лет содержал Тургенев. Зато у Виардо имелся активно действующий салон, где собирались много чего ведающие люди... Словом, говоря на современной конспирологической «фене», — работа под прикрытием.

...Чтобы совсем не доходило до околотитулярного анекдота, отметим, что уже третий век (см. выше) молва приписывает нашему великому писателю, понятное дело, не роль Штирлица с конкретикой его заданий, но *сугубо* политическую оценку состояния дел в Европе — предмет интереса руководства Российской империи. То есть вряд ли Иван Сергеевич «имел в шкафу мундир» и делал ежеквартальные отчеты «по инстанции». Кому следует получали нужное из тех же публикаций Тургенева. — Открытых для всех. Нам же было важно утвердиться в государственности мышления и творчества Тургенева. И эта молва разве не подтверждение такого *status quo*?... Но наиболее весомое, значимое здесь подтверждение — его любовь к России, пронзительное до боли чувство преемственности в поколенной связи. Пусть и со стороны барина, но ведь барина-то *своего*?! Прекрасной иллюстрацией этой пронзительности Тургенева будет стихотворение из книги «Сети», 1908 одного из ярчайших поэтов русского «Серебряного века» Михаила Кузмина (1872—1936) — обычно его печатают без названия, хотя в одном дореволюционном поэтическом сборнике я встретил таковое: «Моя родословная» (может это было «от редактора»?)

*Моряки старинных фамилий,
влюбленные в далекие горизонты,
пьющие вино в темных портах,
обнимая веселых иностранок;
франты тридцатых годов,
подражающие д'Орсэ и Брюммелю,
внося в позу денди
всю наивность молодой расы;
важные, со звездами, генералы,
бывшие мильми повесами когда-то,
сохраняющие веселые рассказы за ромом,
всегда одни и те же;*

*милые актеры без большого таланта,
принесшие школу чуждой земли,
играющие в России «Магомета»
и умирающие с невинным вольтерьянством;
вы — барышни в бандо,
с чувством играющие вальсы Маркалью,
вышивающие бисером кошельки
для женихов в далеких походах,
говеющие в домовых церквах
и гадающие на картах;
экономные, умные помещицы,
хвастающиеся своими запасами,
умеющие простить и оборвать
и близко подойти к человеку,
насмешливые и набожные,
встающие раньше зари зимою;
и прелестно-глупые цветы театральных училищ,
преданные с детства искусству танцев,
нежно развратные,
чисто порочные,
разоряющие мужа на платья
и ведающие своих детей полчаса в сутки;
и дальше, вдали — дворяне глухих уездов,
какие-нибудь строгие бояре,
бежавшие от революции французы,
не сумевшие взойти на гильотину,—
все вы, все вы —
вы молчали ваш долгий век,
и вот вы кричите сотнями голосов,
погибшие, но живые,
во мне: последнем, бедном,
но имеющем язык за вас,
и каждая капля крови
близка вам,
слышит вас, любит вас;
и вот все вы:
милые, глупые, трогательные, близкие —
благословляйтесь мною
за ваше молчаливое благословенье.*

◆ Подробно проанализированная выше доминанта творчества Тургенева, как сугубого государственника, художественного мыслителя, <не квасного!> патриота своей «немой» (у Лермонтова) России, которую, весь ее народ *in summa*, так пронзительно любил наш великий писатель,— все это выразилось в предельной полноте в «Отцах и детях», хотя бы перед ними уже вся образованная Россия читала его романы «Рудин», «Дворянское гнездо» и «Накануне». Но если последние склонены в морально-философскую оценку русского общества в период социальной коллизии, или предреволюционной ситуации по принятой советской терминологии, то «Отцы и дети» сугубо социально-психологический роман, причем на вечную в литературе тему: от книг Ветхого Завета, далее античных авторов, в особенности Эсхила, Еврипида, а

затем — вся европейская культура и искусство. Не перечисляя даже самые громкие имена-памятники, укажем лишь на двух англичан: Шекспира с его «Королем Лиром» и Честерфилда — «Письма к сыну».

Избави Бог читателю даже подумать мимолетно, что в настоящем очерке мы будем анализировать «Отцы и дети» именно в ипостаси художественного произведения, хотя бы и сугубо социально-психологического романа! Здесь за полтора с лишком столетия все уже сказано. А какие имена сразу по опубликованию романа в «Русском вестнике» М. Н. Каткова мы видим в пространных отзывах на него?! — Н. Н. Страхов, П. В. Анненков, Лев Толстой и А. Н. Майков, Герцен и Салтыков-Щедрин... Кажется, не осталось ни одного русского писателя 1860—70-х годов, кто бы не посвятил «Отцам и детям» самого пристального внимания. А как крепко-накрепко засели со школьных лет в нашей памяти образы-характеристики героев романа: Базаров и Аркадий, Николай Петрович и Павел Петрович Кирсановы, сестры Одинцовы Анна Сергеевна и Катя, трогательные до невольных слез старички-родители Базарова! Даже образы второго-третьего плана, те же карикатурная мадам Кукшина, одетый в славянофильскую венгерку «человек небольшого роста герр Ситников», молчаливая, только с Базаровым оживляющаяся, Фенечка, таки — ставшая к окончанию действия романа Федосьей Николаевной, женой Николая Петровича Кирсанова. Уверен: всякий прочитавший эти имена тотчас непроизвольно вызовет из подвала своего подсознания в активную память, как будто с закрытыми глазами представит театральную сцену, на которой все действие вневременно соединено в один миг, всю сюжетно-фабульную организацию романа и характеристики действующих лиц... Что уж здесь можно нового сказать — придумать!

Именно «Отцы и дети» — на фоне не менее замечательных и, быть может, более пронзительных произведений Тургенева — в наибольшей степени подпадают под данное М. Е. Салтыковым-Щедриным определение сущности творчества нашего великого писателя: *«Тургенев был человек высоко развитый, убежденный и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов. Идеалы эти он проводил в русскую жизнь с тем сознательным постоянством, которое и составляет его главную и неоцененную заслугу перед обществом. В этом смысле он является прямым продолжателем Пушкина и других соперников в русской литературе не знает».*

...И еще одно громкое имя назовем, а именно — упомянутого уже выше М. Н. Каткова, но теперь не в качестве издателя и редактора «Русского вестника», но выдающегося публициста середины и второй половины XIX века. В советское время он являлся фигурой умолчания за его <якобы> самодержавно-консервативные литературные и общественные позиции. На самом же деле был Катков умнейшим человеком, умеренным либералом, но на дух не переносил разночинную демократию своей поры. По этой причине имя его еще в двадцатые годы попало в проскрипционные списки «комиссии Луначарского — Крупской». И был он изъят из литературного обихода почти на семьдесят лет... Впрочем, у каждого времени своя правда. По-библейски говоря, заглянув как в Ветхий, так и в Новый заветы.

Почему мы Каткова особенно так отмечаем? — Его остроуму <но не вредному!> перу принадлежат два наиболее существенных определения творчества Тургенева — в контексте содержания «Отцов и детей». Сугубая объективность автора, его определенная, но выраженная отстраненность от описываемых событий и характеров; своего рода заинтересованный «взгляд со стороны», но не «добру и злу внимаая равнодушно», а вникая в самомалейшую суть описываемых характеров. Кому как, но на наш взгляд — это сверхзадача художника слова. В статье «Роман Тургенева и его критика» Катков отмечает в этом контексте: *«В Отцах и детях (выд. Катковым. — А. Я.) заметно желание автора дать главному типу возможно благоприятнейшие условия. Автор, видимо, как будто опасался показаться лицеприятным. Он*

как будто слишком усиливается быть беспристрастным, и эти усилия не остались без некоторых последствий».

Вернее, точнее и пронизательнее сказать невозможно!

И о втором определении «на века», данное Катковым в его статье «О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева» в части упомянутого чуть выше «главного типа», то есть Базарова. Катков пишет: «...Итак, в нашу глушь пожаловал дух исследования, ясной и точной мысли, положительного знания. Как кстати! Его-то нам и не доставало. Да, это действительно дух нового времени, завоевывающий одну область за другою. Этот дух ясной и точной мысли не ограничивается в наше время только теми науками, которые обыкновенно называются естественными: он простирается повсюду, и нет умственной сферы, которая бы в наше время не полагала своей силы и достоинства в ясной мысли и положительном знании».

То есть в определении Каткова, четко уловившего саму мысль Тургенева, главный персонаж романа Базаров не является четко «разграфленным» положительным или отрицательным героем повествования. Базаров есть дух описываемой эпохи, а в контексте самого романа, то есть в коллизии обобщенно трактуемых «отцов» и «детей», Евгений Васильевич Базаров есть естественно-биологический, повторяющийся в каждом звене поколенной цепи — из небытия человечества в неведомое будущее — протестант. И останься он в живых, поймей детей — и они через некоторое время явились бы стареющему Евгению Васильевичу протестантами... А вот менее категоричный, то есть с более слабой волей, «протестант» Аркадий Кирсанов уже к короткому по времени повествованию романа (поздняя весна — начало лета всего лишь) становится копией своего отца, галкой — по определению умирающего Базарова, найдя свою успокаивающую душу половину в жизни; биолог и естествовед Базаров здесь имеет в виду одно замечательное в мире птиц и вообще живых существ свойство галок: сугубая парность их, не меняющих в течении всей своей птичьей жизни семейного партнера... Но Тургенев еще более усиливает, акцентирует момент скорого «одомашнивания» столь недавнего протестанта от нигилизма Аркадия: он женится на Кате Одинцовой одновременно со вторым браком своего отца Николая Петровича — с Фенечкой.

...Даже в столь кратком «визите вежливости» в анализ главных линий «Отцов и детей» мы уже подошли к главной теме настоящего очерка.

♦ Провидец Катков в своих статьях об «Отцах и детях» (см. выше) четко и тонко уловил позицию Тургенева в части «отстраненности» как от позиций авторов антинигилистических романов с их «писать с направлением» и акцентацией поступков «детей» и вообще «новых людей» в русле «общего дела» (оставляя это зацикленным персонажам — мадам Кукшиной и герру Ситникову; она же Машурина в «Нови»...), так и от сугубо либеральной линии в литературе того времени. Представители последней в романе тоже выписаны в полукарикатурном виде: тот же Павел Петрович Кирсанов, хотя бы и с личной драмой в части отношений с княжной Р., или родственник Кирсановых либеральный петербургский сановник Матвей Ильич...

Действительно, как декларируемый главным героем романа нигилизм, *nihil* — отрицание всего и вся, так и почти что показная увлеченность Базарова анатомо-физиологическим естествоиспытательством, — не есть суть, содержание характера этого «нового человека», классического «сына» в извечной дилемме противостояния таковых с «отцами».

Конечно, сам Базаров достаточно увлеченно режет пойманных деревенскими ребятами в пруду лягушек и под микроскопом рассматривает их фасции*. Даже в

---

* От лат. *fascia*; в анатомии — тонкая соединительно-тканная оболочка, покрывающая мышцы, сосуды и нервы.

первое же утро по приезду в имение Кирсановых, не успев толком познакомиться с отцом и дядей своего друга Аркадия. А в родительском доме запугивал стариков отца и мать своим отъездом, которые три года сына ненаглядного не видели, если они будут без дела входить в комнату, где он препарировал все тех же лягушек и часами не отводит глаз от окуляров микроскопа...

Но разве эта, почти что нарочитая, хотя бы и не «на показ», увлеченность естествоиспытательской наукой составляет стержень характера «нового человека» Базарова? Само сюжетное действие романа Тургенева отрицает категоричность такого определения. Из того отрезка повседневной жизни Евгения Васильевича, что показана в действии «Отцов и детей», видно, что ведет он себя в общем-то, исключая моменты «надевания маски нигилиста», мало отличимо от того же Аркадия. Так же рассеянно проводит большую часть времени, словом, студент из Петербурга на летних каникулах в провинции. Сразу и в параллель приходят на память множество типов таких персонажей из русской классики. Как тот же главный герой рассказа «Натали» Ивана Бунина, что, надев фуражку со студенческим околышком, в первые свои каникулы принялся разъезжать по окрестным помещичьим усадьбам родственников и сверстников...

Так и Базаров, то хандрит, забросив свой микроскоп, затем едет в губернский город с Аркадием, которого отец и дядя послали отдать визит вежливости петербургскому родственнику и сановнику-либералу Матвеем Ильичу, прибывшему с ревизией. И совсем уж не «новый человек» — с «направлением» и «общим делом» — Базаров в чисто студенческой гульбе со встреченным случайно герром Ситниковым — на дармовщину пьет шампанское у карикатурной мадам Кукшиной...

И весь полунапускной нигилизм и разочарование в жизни тотчас оставляют Базарова, поправшего, не хуже краснеющего от каждого женского взгляда гимназиста, в сети Анны Сергеевны Одинцовой. Причем сети не улавливающие, но холодно, беспристрастно фильтрующие. Страшное дело — красивая, умная не по-женски, но не ведающая чувства любви женщина! Вот на такой-то и весь нигилизм, всякие философии отрицания Базарова и развеялись в прах... *«В разговорах с Анной Сергеевной он еще больше прежнего высказывал равнодушное презрение ко всему романтическому; а оставшись наедине, он с негодованием сознавал романтика в самом себе. Тогда он отправлялся в лес (ведь не к лягушкам и микроскопу устремлялся! — прим. наше А. Я.) и ходил по нем большими шагами, ломая попадавшиеся ветки и браня вполголоса и ее и себя; или забирался на сеновал, в сарай, и, прямо закрывая глаза, заставлял себя спать, что ему, разумеется, не всегда удавалось. Вдруг ему представится, что эти целомудренные руки когда-нибудь обовьются вокруг его шеи, что эти гордые губы ответят на его поцелуи, что эти умные глаза с нежностью — да, с нежностью останутся на его глазах, и голова его закружится и он забудется на миг, пока опять не вспыхнет в нем негодование. Он ловил самого себя на всякого рода «постыдных» мыслях, точно бес его дразнил».*

...И завершился в романе нигилист Базаров. Дальше только муки отвергнутого — не потому что плох, наоборот, любопытен, просто женщина-скала встретилась — и хандра. Словом, полнейшее безразличие ко всему и вся. Символична и сама смерть Базарова: отрицая смысл жизни с ее радостями и горестями, так и не найдя в ней своего места, признавая, да и то зачастую кривя душой, только свои медико-биологические упражнения, он и погибает нелепо, заразившись неизлечимым тогда тифом при хирургических манипуляциях с умершим тифозным мужиком из соседней деревни...

И своеобразный помин по душе ушедшего «нового человека» Базарова дает в окончании романа автор, делая акцент на *действительно* новом человеке капитализирующейся России: *«Анна Сергеевна недавно вышла замуж, не по любви, но по*

убеждению, за одного из будущих русских деятелей, человека очень умного, законника, с крепким практическим смыслом, твердою волей и замечательным даром слова,— человека еще молодого, доброго и холодного как лед. Они живут в большом ладу друг с другом и доживутся, пожалуй, до счастья... пожалуй, до любви».

Таким образом, в художественно и социально построенной Тургеневым дилемме отцы — дети Базаров, не говоря уже о «галке» Аркадии Кирсанове, выполнил отведенную — не автором романа, но социальной эволюцией в отдельно взятом звене непрерывной генеалогической цепи ноогенеза — ему роль. Да, он показал себе в определенном смысле антитезой своим добрым старичкам-родителям, а сам таким же со временем не успел стать ввиду короткости его жизненного пути...

Вечные отцы, вечные дети — и вечная жизненная цепь, что, слабо погромыхая с страниц исторических и литературных описаний-памятников, тянется из бесконечности скрытых *во мгле давности лет*, отражается действиями, лицами и поступками в текущем срезе исторического времени, а <тоже бесконечные> звенья будущего еще *не выступили из мглы* неизвестной нами протяженности эволюции человека. Все сказал Иван Сергеевич.

◆ Не назовешь время действия «Отцов и детей», оно же время творческого расцвета автора романа, размеренно текущим, когда дети отличаются от отцов хоть чем-то в короткий период юности и начала молодости — как правило, до обретения собственного семейного круга; как у Аркадия Кирсанова в романе. Нигилисты и либералы, самодержавие и первая в истории России предреволюционная ситуация. И хотя после отмены крепостного права традиционная крестьянская община сохранилась — еще долго до столыпинских реформ и образования кулачества как нового класса,— но страна уже втянута Европой в капитализацию: за короткий срок на этом пути Россия промчалась от железнодорожного бума до своего империалистического «лица».

Совсем немного по историческим меркам осталось времени, когда из чудоковатых «новых людей», нигилистов конца 50-х — начала 60-х годов XIX века (действие «Отцов и детей») вырастут бомбометатели-царевубийцы, жестокие герои «Бесов» и названных выше романов Лескова и Писемского, объединенные в «Народную волю» и «Черный передел». А на подходе уже боевики-эсеры с наганами во всех карманах... и большевики, мощно организованные, сплоченные со всей пролетарской Европой Марксовым, а потом и своим Интернационалом...

И смешные либералы навроде Матвея Ильича из «Отцов и детей» быстренько уступят место людям круга обретенного Анной Сергеевной Одинцовой мужа: с твердой волей и «холодных как лед». От них так и отдает ощутимо всеми органами чувств холодом Молоха капитализма — империализма.

А дальше еще жутче и холоднее, с привкусом пролитой крови: двадцатый век с его мировыми войнами, противостояниями социально-политических систем планетарного масштаба. Но что характерное, «держа в уме» роман Тургенева, отметим — почти до смены тысячелетий: преемственная цепь поколений, при всех бунтах «детей» в отношении «отцов», не рвется, *не распадается связь времен!* Особенно в России с ее общинными (повторимся) традициями, где до последней трети прошлого века далеко не редкостью были трехпоколенные семьи под одной крышей — вспомните из советской литературы знаковый роман Всеволода Кочетова «Журбины».

Увы, все это в мире изменилось на рубеже веков и тысячелетий: в США уже задолго до этого, в Европе с некоторым «отставанием». Вне всякого сомнения, Россия не есть хранимое Богом исключение: нынешнее нарастание глобализации, конечно, не оставило ее в стороне. Но и здесь, говоря афоризмом остряка Бисмарка, «русский долго запрягает телегу...» Это уже на <увы, короткое> наше счастье; имеются в виду ныне живущие.

В своей работе «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества»* выдающийся австрийский ученый, лауреат Нобелевской премии, создатель науки *этологии*, исследующей поведение социальных животных — от пчел и муравьев до человека,— Конрад Лоренц** так определяет нынешний «разрыв связи времен» в системе отцы — дети: *«Во времена Авраама изменения в нормах поведения, унаследованных от отца, были столь незначительны, что — как это убедительно изобразил Томас Манн в своем чудесном психологическом романе «Иосиф и его братья» — многие из тогдашних людей вообще не были в состоянии отделить собственную личность от личности отца, и, следовательно, отождествление происходило самым совершенным способом, какой можно себе представить. В наше время, при темпе развития, навязанном нынешней культуре ее техникой, критически настроенная молодежь справедливо считает устаревшей весьма значительную часть традиционного достояния, все еще хранимого старшим поколением. И тогда... заблуждение, будто человек способен произвольным и рациональным образом выстроить на голом месте новую культуру, приводит к совсем уже безумному выводу, что родительскую культуру лучше всего полностью уничтожить, чтобы приняться за «творческое» строительство новой. Это и в самом деле можно было бы сделать, но только заново начав с до — кроманьонских людей!»* (С. 41).

...Такое впечатление, что это не Конрад Лоренц пишет, но за сто с лишком лет до него наш давешний знакомец Евгений Васильевич Базаров горячится в разговорах с либералом Павлом Петровичем Кирсановым или с отвергнувшей его любовные признания Анной Сергеевной Одинцовой! С одним, но существенным, глубоко кардинальным различием: тургеневские «дети» очень даже скоро — как ставший «галкой» Аркадий Кирсанов — сами становятся «отцами» или уходят в небытие, как загнавший сам себя в угол душевной пустоты Базаров; «дети» же описываемой и анализируемой Лоренцем эпохи начала глобализации, точнее по времени — ее предчувствия, уже поставлены в условия культурного, творческого, морально-этического и пр. окончательного разрыва цепи «связи времен». А дети этих взбунтованных, да-да, именно так: их взбунтовала против отцов система ледящего все чувства Великого Глобализатора, детей? — Естественный вопрос, на который уже не будет успокаивающего положительного ответа: дескать, перемелется мука будет... Дети детей, порвавших — по указке упомянутого движителя глобализации — «связь времен», едва ли не только биологически похожи на таких ущемленных родителей. На этот счет не откажем себе в удовольствии <от стиля изложения, конечно> продолжить прерванную цитату из работы Лоренца: *«...Впрочем, убеждение в том, что следует «выплеснуть вместе с водой родителей», широко распространенное в наши дни среди молодежи, имеет и другие причины. Изменения, которым подвергается структура семьи в ходе прогрессирующей технизации человечества, действуют вместе и по отдельности в направлении ослабления связи между родителями и детьми. И начинается это уже с грудных младенцев. Поскольку мать в наши дни никогда не может посвящать ребенку все свое время, почти везде возникают, в большей или меньшей степени, явления, описанные Рене Спитсом под именем г о с п и т а л и з а ц и и (выд. нами.— А. Я.). Наихудший ее симптом — тяжелое или даже необратимое ослабление способности общения с людьми <столь часто, с «привкусом» скрытого одобрения, дескать он «особенный!» — обсуждаемого сейчас в СМИ аутизма.— А. Я.>. Этот эффект опасным образом сочетается с... нарушением способности к человеческой симпатии.*

* В кн.: Лоренц К. Обратная сторона зеркала: Пер. с нем.— М.: Республика, 1998.— С. 3—61.

** О пребывании К. Лоренца в советском плену (1944—48 гг.) в художественной форме рассказано в книге: Яшин А. А. Задушевные беседы об умозамещении.— М.: «Московский Парнас», 2017.— 343 с. (См. на сайте www.pz.tula.ru).

Несколько позже, особенно у мальчиков, становится заметным расстройство из-за выпадения отцовского образа. За исключением крестьянской и ремесленной среды, мальчик в наши дни почти не видит отца за работой, и еще реже приходится ему помогать в этой работе, ощущая при этом впечатляющее превосходство взрослого мужчины. Далее, в современной малой (выд. нами.— А. Я.) семье отсутствует ранговая структура, при которой в первоначальных условиях «старик» мог внушать уважение. Пятилетний мальчик, конечно, не в состоянии непосредственно оценить превосходство своего сорокалетнего отца, но ему импонирует сила десятилетнего брата, он понимает почтение, оказываемое этим братом старшему, пятнадцатилетнему, и эмоционально приходит к правильным выводам, видя, как уважает отца этот старший сын, уже достаточно умный, чтобы признать его духовное превосходство» (С. 41—42).

♦ Итак, утрата, причем безвозвратная, самого института авторитета есть главный и зримый симптом нынешнего разрыва «связи времен». Проявляясь еще на семейном уровне у детей, как указывает Лоренц, далее у взрослых уже людей отрицание авторитета становится социальной нормой поведения. Собственно авторитет связывал в непрерываемую цепь во всю эпоху цивилизации и культуры обобщенно понимаемых «отцов» и «детей». Таким образом, человеческий социум являл собой масштабное отображение обычной биологической семьи. Точно также, как в семье в определенный возрастной период сын переставал видеть в отце пример для подражания, но в итоге становился его подобием во всем, так и в традиционном, доглобалистском социуме роль авторитета являлась довлеющей, а временные «бунты поколений» не только не снижали роль авторитета, но в диалектическом понимании (законы диалектики Гегеля) способствовали движению социумной эволюции. Как умеренная жизненная встряска бодрит человека и подвигает его на разумные и полезные для него самого, для семьи, для общества поступки.

Еще раз — речь идет о широко, обобщенно понимаемом авторитете. Как общесоциумном институте преемственности «большой семьи», так и отдельных, чем-либо характеризующихся частях социума. Как в позитивном, так и в негативном смыслах, ибо нет худа без добра и наоборот. И отрицание авторитета есть и символ и, отчасти, причина регресса социума или его части — регресса в смысле отступление от выработанных эволюций человека норм, причем, любых норм. ...Когда в нашем малосчастливом отечестве в «лихие девяностые» в бандитско-воровском мире (а это, увы, неотъемлемая составляющая общества!) началась «перегрузка» понятий этой части социума, то в их мирке возобладал в действительности девиз: «Мочи воров в законе!» А последние со времен одесского воровского истеблишмента, а еще намного ранее в Европе от итальянской мафии, кстати, созданной освободителем <от австрийского подчинения> и создателем объединенной Италии Гарибальди (мафиози его времени — городские «экономические» партизаны...), являлись регуляторами деятельности этого субкласса, руководящего не *законом*, но *понятием*, то есть уподоблялись разумному хозяину: стриги овец, но оставляй подшерсток, чтобы отары не замерзли в холодное время!

Уничтожение же «регуляторов от понятий» привело в тех же девяностых к бандитско-воровскому беспределу, а на место авторитетов вступили «авторитеты», которым подчинялись рядовые братки только за страх <пули в висок>, но никак не за совесть... Дальше больше: коль скоро, как отчеркнул синим карандашом Остап Бендер из знаменитого романа одесских классиков в посланной им Корейко заказной бандеролью любопытной книге «Капиталистические акулы»: «Все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем», все олигархические кланы вышли из легализовавшихся «авторитетов» девяностых годов, то в ментальном сознании *всех* людей и классов мгновенно обрушился исторический социумный инсти-

тут авторитетов. И так далее и с продолжением в еще не наступившие времена... Кому не по душе, в силу «классовой принадлежности», либерализма и квасного патриотизма, а чаще — по службе, отечественный пример, то пусть на досуге почитает классиков европейской и американской литературы XIX — начала XX веков: от описаний политики «огораживания» в Британии XVIII—XIX вв. («овцы съели Англию») до более близкого к нам по времени нефтяного бума в США (тогда САСШ — Северо-Американские Соединенные Штаты — эта любопытная страна называлась)...

Конрад Лоренц *именно* потерю авторитета отца в глазах сына (тот и другой, понятное дело, в обобщении на весь социум и — для нас — современный мир) полагает самым тревожным и объективно оправданным признаком разрыва «связи времен». От легкомысленного — на взгляд читателя «с лупой» и приверженца строго выверенной терминологии по его дисциплинарной принадлежности — примера с бандитско-воровской средой легко и просто перейти к более партикулярно-гуманитарным и политкорректно-толерантным слоям современного <мирового> социума.

Вроде как есть еще наука, искусство, собственно литература, другие творчества. Кто-то еще не забыл, что должна быть промышленность и наука прикладная, отраслевая, что сейчас на <обезьяннический> западный манер именуется вкуче *технологиями*? Ведь там-то роль авторитетов исторически непререкаема? Как бы не так, уважаемые! В телерадионовостях *всего* мира авторитеты утверждаются только и исключительно по сумме «заработанных» \$ и €, на худой конец ¥ и ₪: «Билл Гейтс хотя и спустился на второе место в списке «Форбс», но уверенно держит в своих карманах 70 млрд. доллárov» (это по разделу технологий); «Такому-то <имя рек> нападающему от футбола предложили жалованье в 30 млн. евро, но он затребовал 70 их же» (это по части спорта, заменившему сейчас *всю* культуру) и так далее. О нашем питерском математике Грише Перельмане, доказавшем <неразрешимую сто лет до тех пор> гипотезу Пуанкаре о сферичности Вселенной, в прессе почти полгода шумела буча... но только по той причине, что тот отказался от американской премии в миллион долларов. Дескать, подавитесь сами, но я в возникшую свару («основоположники набежали», как говорят в Одессе!) встревать не буду, лучше грибы стану собирать в Ленинградской области... Про представителей по части муз пластического искусства и лицедейства (театр + кино) уже и говорить запахло — см. передачи для домохозяек на ТВ.

А наука? — Сам к ней причастен, потому и писать тошно. А наша <бывшая великой> литература? — Здесь и вовсе хочется, не чокаясь, ввести в организм поминальную стопку. Аминь авторитетам всея и везде.

♦ «Порвалась связь времен» — и невозвратно. Тургенев, пронзительный и самый *пронзительный* русский писатель, видимо, сам себя сдерживая, в «Отцах и детях», в других своих романах, в том числе в последнем, в «Нови», предвидел, что традиционные для человечества временные коллизии отцов и детей когда-либо перерастут в некую точку «X», когда эти коллизии уже не сгладятся в преемственной цепи, но прервут «связь времен». Но — умолчал, возможно, сам себя успокаивая. Он же служил русской литературе... а может и русскому государству (см. инвективы наши выше).

Но сейчас пришло время обусловленного эволюцией человека и ноогенеза его деятельности Великого Глобализатора. Это не завершение, спаси Бог, социальной эволюции, но *a priori* обусловленный ею необходимый, хотя и жесткий, во многом бесчеловечный, этап перехода к ноосферному периоду существованию человечества, когда все *равны* социально и умственно! Это как Макара Нагульнов в «Поднятой целине» Шолохова рассуждает: придет время коммунизма, всеобщего равенства, и не будет национальностей и даже рас — все будут одинаковыми, смугленькими... (см. Т. 12 «Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма» — в приведенной выше сноске к многотомной монографии «Живая материя и феноменология ноосферы»).

Здесь читателю важно уяснить два существенных момента. Во-первых, пример утраты роли авторитета в обосновании разрыва «связи времен» понятийно наиболее характерен — потому и выбран нами для иллюстрации. Во-вторых и в основных: сказанное не является таким слезоточивым брюзжанием непохожести детей на отцов — это было бы понятным в отношении тургеневских персонажей, когда Николай Петрович Кирсанов морщится при нигилистических высказываниях своего сына Аркадия, впрочем, справедливости ради вспоминая, что-де и он в своей молодости имел стычки со своим отцом по такому же поводу. Словом, то были классические отцы и дети, и отцам было дозвоительно брюзжать на своих сыновей, только что примчавшихся в родовое поместье на летние вакации из «столичных и университетских центров» с <вечно> свежими идеями, заимствованными из модных на то время французских и немецких философов и политэкономов... Как в «Горе от ума» наиболее красочный персонаж «из отцов» отзывался об университетах: «...Там упражняются в безверье и в расколе!» Славные, преславные времена классических отцов и детей!

Сейчас же вовсе не слезоточение и брюзжание, а разрыв «связи времен», обусловленный диалектическим скачком на этапе перехода <по В. И. Вернадскому> от традиционной биосферы Земли к ее новому биогеохимическому, социумному качеству — к ноосфере. Впрочем, выше уже на эту тему говорилось достаточно. Закон суров, но это закон — в данном случае мы о законах социумной эволюции.

...И хотя цитированный выше Конрад Лоренц еще не мог — по времени его жизни и трудов — соотнести намечающийся окончательный разрыв «детей» с «отцами» (широко, социумно понимаемыми), ибо процесс глобализации только-только собиравшая во всей своей мощи выйти на историческую мировую сцену, но соответствующую коллизию он уже четко описал: «...Однако установка значительной части нынешнего молодого поколения по отношению к поколению их родителей не имеет в себе ничего от подобной мягкости, а преисполнена высокомерного презрения. Революцией современной молодежи движет не н а в и с т ь (здесь и далее выд. Лоренцом.— А. Я.), и притом ненависть особого рода, ближе всего стоящая к н а ц и о н а л ь н о й н е н а в и с т и, опаснейшему и упорнейшему из всех ненавистнических чувств. Иными словами, бунтующая молодежь реагирует на старшее поколение так же, как некоторая культурная или «этническая» группа реагирует на чужую группу, враждебную ей» (Op.cit., С. 38).

Да, самое существенное мы забыли указать выше: в наше время торжества Великого Глобализатора место упраздненного понятия авторитета заняли пресловутые «общечеловеческие ценности» — стыдливо поликорректное именование *денег*, как универсального воплощения атавизма частнособственничества. А деньги всегда прерывают «связь времен» в части обобщенно понимаемых «отцов» и «детей». Здесь точнее Маркса не скажешь; это в той части, где он как навечно припечатал: что нет такой подлости, на которую не пошел бы капиталист за 5 % прибыли, а за 10 % он и мать родную удавит! — Это не цитата, а пересказ по смыслу.

♦ Милые и добрые тургеневские «отцы» — трогательные старики родители Базарова, добрейший Николай Петрович Кирсанов, даже в чем-то симпатичный петербургский сановник Матвей Ильич, да и уездного англомана Павла Петровича Кирсанова Аркадий уговаривает Базарова не то что пожалеть за его жизненную драму с княжной Р., но понять по-человечески...

А шумное, или подозрительное осторожное в словах и делах, сообщество «детей» в тургеневском романе? — Сам в себе запутавшийся Евгений Васильевич Базаров, копия своего отца «галка» Аркадий Кирсанов, столь вроде бы различные, но в итоге как близнецы, сестры Анна Сергеевна и Катя Одинцовы, смешноватые мадам Кукшкина и герр Ситников... даже Фенечка — Федосья Николаевна? — Разве они не импонируют читателю романа.. каждый по-своему, в своей жизненной нише.

Все то было уютным мирком с поколенными и чрезпоколенными «связями времен». И весь большой мир являлся ранговым, масштабным отображением таких мирков. Но на нынешнем этапе социальной эволюции «связь времен» (закон суров...) пресеклась. Отцы это осознают и жалеют как ушедшее ровное течение времени, так и своих отъединившихся детей. Но детям жалость такая не нужна: они живут уже в другом мире действенности Великого Глобализатора.

На этих словах очерк, где все, или почти все, сказано, можно было бы завершить *point sur les «i»*, как бы сказали знающие французскому герои «Отцов и детей». Но в голове таким неуспокоенным чертиком вертится попутный вопрос: а что, нынешние «дети», напрочь отринув великую русскую литературу, равно как и все иные литературы <Интернет смартфонистый не для того спроектировали в Кремниевой долине Калифорнии, а оттиражировали в нынешней скобяной мастерской мира Китае>, даже не прочтут о тургеневских отцах и детях?

Но не тут-то было. Так случилось, сапожник без сапог... или сапог много, что готовясь к сочинению этого очерка, решил перечитать все тургеневские романы. Поскольку квартира и служебный кабинет «забиты» книгами, стоящими в два-три ряда на полках, то... словом, отыскал все эти романы кроме «Отцов и детей». Пришлось обратиться в библиотеку, где выдали оный, причем из современной школьной хрестоматийной серии. Дома открыл книгу и — сначала огорчился, затем <устойчиво и до сей поры!> обрадовался. Огорчился сгоряча, увидев, что все двести страниц, включая приложение, комментарии и даже пояснение отдельных слов и выражений, сплошняком подчеркнуты карандашом, а поля испещрены словами анализа читателя книги. А огорчился по той причине, что еще в слабограмотном детстве, только когда начал читать, отец (мой, не тургеневский...) с его своеобразным характером <см. выше> двойного любителя порядка и аккуратности — от старообрядчества и от долгой флотской службы — напрочь отучил меня ставить какие-либо отметки в книгах и загибать уголки страниц... В качестве же примера такого хамского отношения к печатному слову демонстрировал четырехтомник «Войны и мира», удобного карманного формата в картонных обложках, изданный в 30-х годах в популярной тогда серии классики «Дешево библиотека»; все страницы этих томов были сплошь испещрены подчеркиваниями и неразборчивыми надписями, в основном, как я уже позже понял, неодобрительными к написанному нашим литературным гением...

И при этом все ругал юнгу Вальку, это во время войны ссадили простуженного к нему на пост на выходе из Кольского залива из шедшего по боевым делам на остров Рыбачий минного тральщика. Хворого юнгу отец определил в свой старшинский кубрик, где тот, выздоравливая и дожидаясь своего корабля в обрат, перечитал всю библиотечку отца, включая «Войну и мир». И только после убытия, говоря языком военным, юнги* наш бравый старшина увидел, что тот натворил на страницах его личных книг...

А чему ваш покорный слуга обрадовался? А все здесь просто: «Отцы и дети» оказались издания 2005-го года, а из библиотечной карточки-записи, что в кармашке на второй странице книги, следовало, что до меня ею пользовался всего лишь один читатель в декабре 2016-го года. Не стоит и говорить, что по аккуратному убористомелкому почерку надписей на полях страниц этим читателем была школьная отличница. «Ведь и сейчас все же читают «дети» бессмертный роман Тургенева!» — в восторге вскрикнул я, даже обеспокоив мирно дремлющего на подоконнике личного кота. Как же это оптимистично, а?

* Догадливый и любознательный в части литературы читатель уже понял: этим неряшливым юнгой был будущий известный исторический романист Валентин Саввич Пикуль. Мир наш тесен...